

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука — Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2(25)
ЛЕТО
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Р.Н. Крапивина, Н.С. Яхонтова. Тибетско-монгольские четверостишия в тибетско-монгольском словаре «Море имен» 5

Васубандху. «Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы»), профетический фрагмент раздела «Самадхи-нирдеша» («Учение о созерцании»). Предисловие, перевод с санскрита и комментарии *Е.П. Островской* 28

ИССЛЕДОВАНИЯ

К.М. Богданов. Ритуальный текст, содержащий элементы небуддийских религиозных представлений тангутов 39

С.Л. Бурмистров. Сознание-сокровищница как основа сансары и Просветления в ранней йогачаре 58

Е.В. Танонова. Сюжет о *неиссякаемых одеждах* героини в «Махабхарате» и эпосе телугу 73

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.М. Чунакова. Неопубликованный согдийский документ из Сериндийского фонда ИВР РАН 83

К.Г. Маранджян. «Детские вопросы» («Додзимон») японского конфуцианского мыслителя Ито Дзинся 89

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

С.Г. Елисеев. Политические впечатления лета 1917 г. Министерство Тэраути, дипломатическое совещание и торговля Японии за первые полгода 1917 г. Подготовка к публикации, введение и комментарии *С.И. Марахоновой* 100

Издание осуществлено
при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного университета

Документы по деятельности В.С. Воробьева-Десятовского.
Предисловие, подготовка к публикации и примечания
Т.В. Ермаковой 112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.В. Базиленко. Восьмая Конференция Европейского общества иранистов в Российской Федерации (Санкт-Петербург, сентябрь 2015 г.) 122

Т.А. Пан. Ежегодная научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (Санкт-Петербург, ИВР РАН, 9–11 декабря 2015 г.) 124

В.П. Иванов. Лекторий ИВР РАН в 2015 г. 130

РЕЦЕНЗИИ

Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука; Восточная литература, 2014. — 319 с.: илл. (*Т.А. Пан*) 135

М. Сергеев. Теория религиозных циклов: традиция, современность и вера бахаи. — Leiden; Boston: Brill, 2015. — 161 с. (*Ю.А. Иоаннесян*) 137

Ulrich Timme Kragh. Tibetan Yoga and Mysticism. A Textual Study of the Yogas of Nāropa and Mahāmudrā Meditation in the Medieval Tradition of Dags po. — Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies of the International College for Postgraduate Buddhist Studies (Studia Philologica Buddhica Monograph Series XXXII), 2015. — 708 p. (*Е.С. Бушуев*) 140

Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН. Авторы-составители А.В. Зорин, М.Б. Иохвин, Л.И. Крякина. Под общей редакцией А.В. Зорина. Главный консультант А.А. Терентьев. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 240. (*Е.В. Иванова*) 144

На четвертой стороне обложки:
Миниатюра из рукописи Ms_Ind_IV_19,
«Индийская мифология»

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
М.А. Унке
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей),
2016

К.Г. Маранджян

«Детские вопросы» («Додзимон») японского конфуцианского мыслителя Ито Дзинся

В статье рассказывается о сочинении японского конфуцианского мыслителя Ито Дзинся «Детские вопросы» («Додзимон»), в котором в форме вопросов и ответов представлены в сжатой форме основные положения его учения. Особое внимание уделено проблеме «классических книг», выбор которых определял принадлежность к той или иной конфуцианской традиции. К статье приложен перевод начальных семи вопросов текста, посвященных именно этой проблематике.

Ключевые слова: японское конфуцианство, Ито Дзинсай, «Детские вопросы», «Додзимон», классические книги.

Ито Дзинсай (1627–1705) относится к числу наиболее значительных конфуцианских мыслителей эпохи Токугава (1603–1868). Среди его трудов более всего известны «Комментарий к „Лунь юя“» в десяти частях («Ронго коги» 論語古義), «Комментарии к „Мэн-цзы“» в семи частях («Моси коги» 孟子古義), «Комментарии к двадцати важным терминам из „Лунь юя“ и „Мэн-цзы“» в двух частях («Гомо дзиги» 語孟字義) и «Детские вопросы» («Додзимон» 童子問). «Детские вопросы» (1673), написанные в форме вопросов и ответов, охватывающих самые разные темы, в сущности излагают в популярной форме основные идеи и взгляды самого ученого, а потому представляют большой интерес для исследователей, получающих возможность составить общее представление о концепции «школы древнего конфуцианства» («когаку»), одним из создателей которой был Ито Дзинсай наряду с такими мыслителями, как Ямага Соко (1622–1685) и Огю Сорай (1666–1728).

Название сочинения «Додзимон» можно перевести как «Детские вопросы», т.е. вопросы, заданные учителю его учениками. Однако такое объяснение недостаточно, поскольку для конфуцианской традиции определение «детский» использовалось в двух устойчивых сочетаниях.

С одной стороны, в классических текстах часто встречался биним «детское сердце» (ит. *tun синь* 童心), означавший, по определению А.И. Кобзева, «глупую инфантильность». При этом китайские комментаторы ссылаются на пассаж из «Цзо чжуани»: «Тогда Чжао-гуну было уже 19 лет, а он все еще как будто имел детское сердце». В тексте «Чжоу и» также присутствует понятие «детский взгляд на вещи», имеющее уничижительный смысл и подразумевающее «путь ничтожных людей» (Кобзев 2002: 137).

С другой стороны, в «Дао дэ цзине» неоднократно проводится мысль о тождестве высшей мудрости и детскости (параграфы 20, 28, 49). Сходная мысль есть в «Мэн-цзы», где великий человек «не утрачивает своего младенческого сердца» (4, 2, 12). Поэтому, например, китайский мыслитель Ван Янмин вслед за даосскими мудрецами использовал биним в позитивном, а не отрицательном значении: детское сердце рас-

смагривалось как атрибут высшей мудрости, поскольку человек от рождения наделен лучшими качествами. Поэтому само название трактата Ито Дзинсяя носит амбивалентный характер: это и «детские» вопросы несмышленных учеников, и в то же время это «наивные» вопросы, касающиеся самых важных и основополагающих положений конфуцианского учения, как его понимал Дзинсай. Таким образом, в заглавии трактата как бы работают обе составляющие традиционного понимания категории «детский».

Кроме того, нельзя упускать из виду, что название «Детские вопросы» указывало на жанровую принадлежность текста. Жанр «мондо» (問答 — «вопросы и ответы») весьма часто встречается в дальневосточной литературе, особенно в трактатах на религиозную и философскую тематику. Например, сочинение одного из современников Дзинсяя — неоконфуцианского мыслителя Накаэ Тодзю (1608–1648) — было озаглавлено «Окина мондо» («Диалоги со старцем», 1641). В этом нет ничего удивительного, поскольку изложение мыслей в виде ответов на конкретные вопросы наиболее удобно для восприятия и является широко распространенным риторическим приемом. Ранние образцы японских текстов в форме «мондо» встречаются уже в первой японской поэтической антологии «Манъёсю», в которой они выделены в особую группу «песен вопросов и ответов», или песен-диалогов (Манъёсю 1971: 29). Впрочем, типологически песни «мондо», безусловно, связаны с более древней группой песен «сомон-но ута», или «аигикоэ-но ута», т.е. песен-перекличек.

С другой стороны, для традиции, где знание передается непосредственно от учителя к ученику, характерен не столько диалог двух равных собеседников, сколько ответы (учителя) на вопросы (ученика). Сочинения в жанре «мондо» встречаются, к примеру, и в буддийской (особенно в дзэн), и в конфуцианской традиции. Достаточно только вспомнить, что одна из канонических конфуцианских книг «Лунь юй» записана как беседы и речения Конфуция, предназначенные для его учеников.

Несмотря на то что в заглавии «Додзимон» содержится только один из иероглифов биннома «мондо» — иероглиф «мон» («вопросы»), структура сочинения и его содержание не оставляют никаких сомнений по поводу его жанровой принадлежности.

Существует и еще одно объяснение происхождения названия текста. Его сформулировал сам Дзинсай во Введении к «Додзимону», где он прямо говорит, что дал название своей книге по аналогии с произведениями двух сунских неоконфуцианцев — Оуян Сю и Фу Ханьциня — авторов «Детских вопросов к И цзину» («Итунцзывэнь» 易童子問) и «Детских вопросов к Ши цзину» («Шитунцзывэнь» 詩童子問). Ассоциативная связь сочинения японского ученого с текстами сунских ученых не только отсылала читателя к более широкому контексту дальневосточной, и в первую очередь, конечно, китайской конфуцианской традиции, но и свидетельствовала о понимании единства интеллектуального пространства конфуцианства, независимо от национальных границ. Отсылка к трудам китайских неоконфуцианцев подчеркивает «включенность» Дзинсяя в поле неоконфуцианской мысли, говорит об осознаваемой им преемственности и внутренней связи с его китайскими предшественниками, традиционно относимых к «неоконфуцианскому» направлению мысли.

Во введении к «Додзимону» Дзинсай объясняет, что в этом трактате собраны вопросы его учеников и ответы на них. Судя по сохранившимся сведениям о нравах, царивших в его школе, где студенты могли свободно делиться своими сомнениями и размышлениями, «Додзимон» должен фиксировать реальные вопросы и ответы. Однако не стоит пренебрегать возможностью авторского вымысла, когда наиболее актуальные, с точки зрения Дзинсяя, проблемы могли быть сформулированы как острые вопросы его учеников. Другими словами, возможно, что реальные ученики зада-

вали совсем иные вопросы, а Дзинсай собрал воедино ряд тех вопросов, ответы на которые, по его мнению, имели ключевой характер и были сопряжены с проблемами того периода. Причем здесь опять возникает вопрос об объективности многих положений. Например, многочисленность вопросов о соотношении буддизма (в основном речь идет конкретно о дзэн-буддизме) и конфуцианства можно объяснить либо реальной актуальностью проблемы для конца XVII в., либо «индивидуальной» актуальностью этого вопроса лично для Дзинсяя, бывшего адептом дзэн до того, как он сделал выбор в пользу конфуцианства.

Созданные в последние годы жизни Дзинсяя «Детские вопросы» составляют 189 параграфов, объединенных в три свитка (*маки*). Текст построен в форме ответов на вопросы молодых учеников. Ранее ученым уже были написаны комментарии к «Мэн-цзы» и «Лунь юю», где он представил собственное толкование их идей и дал критику концепции Чжу Си, а в этом сочинении мыслитель в систематическом виде изложил суть своего понимания учения Конфуция. Оригинал был написан на *камбуне*, разметку текста сделал старший сын мыслителя. Существует несколько текстов, для издания был выбран текст, датированный 1707 г. и отредактированный сыном Ито по имени Тогай.

«Детские вопросы» открываются предисловием, принадлежащим кисти Ито Тогай, и введением, написанным самим Дзинсяем. Ниже приводится полный текст введения.

В былые годы я заблуждался. По совету друзей я распахнул ворота своего дома, и моими собеседниками стали люди, стремящиеся к наукам. С тех пор прошло много дней, когда мужи с четырех сторон света приходят учиться и не перестают спрашивать меня о дао. Иной раз я могу исчерпывающе ответить им, рассмотрев вопрос с двух противоположных сторон¹, но многие ученики привыкли к тому, что слышали раньше, они скованы сложившимися взглядами и не понимают учение основополагающей школы Конфуция и Мэн-цзы. Если учение не высокопарно, то оно не приносит им удовольствия, если не диковинно, то не радует, они не любят обычное и обожают все новое, отказываются от того, что лежит рядом, и берут то, что далеко². Меня это очень печалит! Соберу все свои несовершенные слова и с их помощью отвечу на заданные мне вопросы, разясняя им истинную традицию мудрецов из Лу и Цзоу³. Я преисполнен решимости осуществить это. У сунских ученых Оуян Сю⁴ и Фу Ханьцин⁵ есть [сочинения] «Детские вопросы» к И цзину и к Шу цзину. Я тоже озаглавил свою книгу «Детские вопросы». В сущности, такое название ясно дает понять, что книга предназначена не для великих ученых мужей.

6-й год эры Гэнроку (1693), 16-й день десятой луны (т.е. 13 ноября), Лоян⁶, с почтением написал Ито Итэй Гэнсукэ.

¹ Здесь скрытая цитата из «Лунь юя», 9, 8. Весь пассаж таков: «Учитель сказал: „Разве я обладаю знаниями?! Нет, я не обладаю знаниями. Но если простой человек задает мне вопрос, о котором я ничего не знаю, то я могу исчерпывающе ответить ему, рассмотрев этот вопрос с двух противоположных сторон”» (Классическое конфуцианство 2000: I, 140).

² Здесь скрытая цитата из «Мэн-цзы» (4, ч. 1, 11), В переводе П.С. Попова она звучит так: «Истинный путь возле нас, а мы ищем его в том, что далеко; служение ему легко, а мы ищем его в том, что трудно» (Конфуцианское «Четверокнижие» 2004: 316). Эта сентенция в редакции Ито Дзинсяя часто повторяется в тексте «Додзимаона» и явно относится к числу его излюбленных изречений.

³ Эти два владения были родиной Конфуция и Мэн-цзы.

⁴ Оуян Сю (1107–1072) — конфуцианский ученый эпохи Северная Сун, политик, литератор, историк. Среди прочего автор сочинения «Детские вопросы к И цзину», в котором в форме беседы с подростком в доступной форме толкуется текст «И цзина».

⁵ Фу Гуан (Ханьцин) — ученый эпохи Южная Сун, один из учеников Чжу Си. В числе его сочинений есть произведение «Детские вопросы к Ши цзину», в котором толковались комментарии Чжу Си к этой китайской канонической книге.

⁶ По аналогии с древней китайской столицей в Японии так поэтично называли Киото.

Структура «Додзимаона» продуманна и логична, все вопросы связаны друг с другом и объединены сквозными темами, которые последовательно переходят одна в другую. «Неслучайность» композиции, содержательное единство текста, как отмечает известный японский исследователь и комментатор произведений Ито Дзинся Симицу Сигэру, принципиально отличает его «Детские вопросы» от их китайских прототипов, авторы которых должны были следовать логике комментируемых ими канонических текстов (Кинсэй сисока бунсю 1966: 37). Хотя «Додзимон» скомпонован как ответы на спонтанно возникающие вопросы учеников, сама последовательность вопросов позволяет четко выделить несколько основных тем, усвоение которых, по мнению Дзинся, позволяет человеку ухватить самую суть конфуцианского учения. Перед читателем словно бы разворачивается огромный свиток, все части которого составляют неотъемлемые элементы единого текста, из которого невозможно изъять или переставить местами отдельные фрагменты. Конечно, любая книга, а не только дальневосточная, составляет единое целое, но ведь европейскую книгу читателю позволено читать выборочно — некоторые страницы или главы. Книга в форме свитка рассчитана на иное восприятие, в ней любой кусок текста прочно связан с предыдущим и последующим фрагментами, и любое изъятие текста нарушает его единство.

«Додзимон» состоит из трех частей-*маки*, в которых содержится 189 вопросов и ответов. В первой части — 59 вопросов, во второй — 77, в третьей — 53.

Первая часть открывается блоком вопросов, посвященных значимости двух классических конфуцианских текстов — «Лунь юя» и «Мэн-цзы». Именно на этом блоке мы и сосредоточим наше внимание и предложим вниманию читателей его перевод.

Эта тема варьируется в семи различных пассажах. В первом из них говорится, что смысл учения заключен в двух этих текстах и «если кто-то хочет узнать о том, что думает сам Дзинсай, достаточно прочесть эти две книги» (1.1). «Читатели „Лунь юя“ и „Мэн-цзы“, подобно новичкам, не смогут хорошо уяснить сам текст, отказавшись от комментариев к нему». А вот после того как они постигнут «Сводные комментарии» и «Постатейные и пофразовые комментарии»⁷ (причем речь идет о вполне конкретных комментариях Чжу Си), они смогут отказаться от комментариев и непосредственно обратиться к самому тексту канонов, тогда их постигнет озарение, и они пробудятся ото сна (1.2). Влияние «Лунь юя» распространяется до самых отдаленных концов света, а сам текст является эталоном, он передается в десяти тысячах поколений и не имеет недостатков. Однако — увы! — люди этого не осознают (1.3). В следующем пассаже, где сравниваются «труднопостижимые» даосские и буддийские сочинения с доступным для восприятия «Лунь юем», Дзинсай недвусмысленно уподобляет простоту истине (正理), а сложность — лжи (邪說). Здесь же впервые поднимается тема соотношения «Лунь юя» и «Шестикнижия», и автор, ссылаясь на авторитет столь сильно уважаемого им Чэн И (1033–1107), приводит его слова: «Если вы уже изучили „Лунь юя“ и „Мэн-цзы“, то можно не изучать „Шестикнижие“, все и так понятно». Этот пассаж относится к числу программных, и Дзинсай не единожды дословно воспроизводит его в тексте «Додзимаона» (1.4). Рассуждая о том, что люди трудное для восприятия и осуществления порой принимают за высшую истину, ученый провозглашает «Лунь юя» самой важной книгой в мире и утверждает, что появившаяся следом за ним книга «Мэн цзы» разъясняет слова Конфуция и ее можно рассматривать как комментарий (義疏) к его речениям (1.5). Затем он вновь возвращается к теме соотношения «Лунь юя» и «Шестикнижия» (1.6). Напоследок Дзинсай подробно останавливается на роли «Мэн-цзы». Он пишет, что «комментарий — это

⁷ Речь идет о комментариях Чжу Си к «Четверокнижию», точнее о «Сводных комментариях к „Лунь юя“ и „Мэн-цзы“» и «Постатейных и пофразовых комментариях к „Да сюэ“ и „Чжун юню“».

средство для постижения канона. И если не проштудировать „Мэн-цзы“, то невозможно постичь смысл „Лунь юя“. Он уподобляет «Мэн-цзы» парому, с помощью которого можно преодолеть «Лунь юя», оговаривая, что последний только предлагает способы совершенствования гуманности, справедливости, ритуала и мудрости, но не поясняет значения самих этих категорий, в то время как «Мэн-цзы» берет эту часть работы на себя, мотивируя такую необходимость большей временной дистанцированностью от эпохи совершенных мудрецов (1.7).

Таково вкратце содержание первого смыслового блока, открывающего трактат «Детские вопросы». Самое главное в нем — выбор конкретных канонических книг из корпуса конфуцианской классики. Хотя конфуцианство было известно в Японии с давних времен, но широкую популярность в мире учености оно приобрело именно в эпоху Токугава, когда в стране стали появляться частные школы, создававшиеся вокруг известных конфуцианских мыслителей. До XVII в. привилегией издания конфуцианских текстов обладал только узкий круг лиц, в основном из семьи Киёвара. Издаваемые ими тексты были в ханьской или танской редакции. После прихода к власти сёгуна Иэясу ситуация изменилась, когда, к примеру, один из патриархов японского конфуцианства Хаяси Радзан (1583–1657) нарушил существовавшую традицию и в обход дома Киёвара издал «Четверокнижие» и «Пятикнижие» с сунскими комментариями (Minamoto 1979: 382).

Большинство современников Дзинся в след за Чжу Си первостепенное значение придавали «Четверокнижию»⁸. Заслуга выделения именно «Да сюэ», «Чжун юна», «Лунь юя» и «Мэн-цзы» в единое «Четверокнижие» принадлежит Чжу Си. Подобный выбор текстов был продиктован тем, что они «просты, непосредственны и кратки», другими словами, что они наиболее доступны для восприятия. Причем эти тексты, в свою очередь, должны постигаться в определенной последовательности. Как пишет сам Чжу Си, «надо начинать с „Да сюэ“, затем переходить к „Лунь юя“, затем к „Мэн-цзы“ и потом к „Чжун юню“, поскольку „Да сюэ“ понять легко, а „Чжун юн“ — сложно» (Gardner 1989: 157). С этого момента «Четверокнижие» пришло на смену Пятикнижию⁹. По мнению Чжу Си, только освоив четыре канонических текста, можно было переходить к чтению «Пятикнижия» и исторических сочинений.

Помимо доступности для восприятия значимость трактата «Да сюэ» определялась еще одной особенностью: в нем постулировалось единство между двумя сферами человеческой деятельности — «совершенствованием себя» и «управлением людьми» (или, говоря современным языком, моралью и политикой). Поэтому с содержательной точки зрения освоение конфуцианской учености надлежало начинать с этого текста, дающего точные ориентиры на пути постижения конфуцианского учения.

О роли «Да сюэ» весьма красноречиво свидетельствуют слова Фудзивара Сэйка (1561–1619), который в сочинении «Дайгаку ёряку» («Резюме „Да сюэ“») пишет: «Если человек выучил эту книгу наизусть, ему не понадобится читать сотни, тысячи и десятки тысяч томов. Без этой книги не может быть конфуцианства» (Boot 1982: 102). Клишированная риторика этой фразы очень напоминает слова, которые почти дословно повторяет Дзинсай применительно к «Лунь юю» и «Мэн-цзы».

В отличие от других японских авторов, Дзинсай опровергал точку зрения Чжу Си, приписывавшего «Да сюэ» кисти самого Конфуция. В небольшом тексте «Обсуждение того, что „Да сюэ“ не принадлежит Конфуцию» (Дайгаку-ни коси то исё бэн),

⁸ В Китае в 1313 г. юаньский император Жэнь-цзун утвердил своим указом «Четверокнижие» в качестве основной программы государственных экзаменов и повелел считать комментарии Чжу Си нормативными и официальными. Эта практика продолжалась до 1905 г.

⁹ Пятикнижие включало в себя «И цзин», «Ши цзин», «Шу цзин», «Ли цзи» и «Чунь-цю».

перевод которого дан в приложении к монографии Дж. Спэ, он приводит аргументы в пользу того, что «ясно как день, что „Да сюэ“ не является оригинальным сочинением Конфуция» (Spae 1948: 230). Дзинсай фактически выступал против главенствующей роли, которую Чжу Си придавал этому сочинению. Вместо этого Дзинсай выдвинул на первое по значимости место «Лунь юй», за которым следовал «Мэн-цзы».

Знаменательно и то, что, говоря о важности «Лунь юя» и «Мэн-цзы», автор рассматривает их не в рамках «Четверокнижия», как на том настаивал Чжу Си, а в соотношении с классическим «Шестикнижием» («Ши цзин», «Шу цзин», «Ли цзи», «И цзин», «Чунь цю» и «Юэ цзин»). В самом выборе канонических книг видна идеологическая направленность Дзинсай. Заметим попутно, что, аргументируя свою позицию, Дзинсай апеллирует к авторитету неоконфуцианского ученого Чэн И, стоявшего у истоков школы Чэн-Чжу, или «ли сюэ» («учение о принципе»). Это обстоятельство очень важно, поскольку имя этого китайского ученого довольно часто мелькает на страницах «Додзимона», Дзинсай нередко подкрепляет свои выводы цитатами именно из его работ и, напротив, не часто напрямую ссылается на Чжу Си. При этом большинство исследователей называют Дзинсай основоположником «школы древнего конфуцианства» («когаку»), традиционно противопоставляемой чжусианскому учению. Конечно, частое цитирование не является решающим аргументом при идейной атрибуции той или иной школы, однако оно играет роль маркера, отсылающего читателя к определенному сегменту интеллектуального поля. Однако отказ от признания канонической роли «Четверокнижия» в чжусианском ключе и ориентация на Чэн И позволяют нам рассматривать его учение в более широкой интеллектуальной перспективе, не ограниченной только рамками чжусианства или «школы древнего конфуцианства».

«Детские вопросы» («Додзимон») ¹⁰

Маки 1

1. Один юноша спросил:

— Покорнейше вопрошаю. Я слышал, что вы разъясняете, как правильно истолковывать учение Конфуция и Мэн-цзы, и обучаете учеников. Я не так давно пришел в вашу школу, да и способности у меня посредственные. К тому же все, что я ранее слышал, уже улеглось в моей голове, а учение Конфуция и Мэн-цзы, напротив, вызывает удивление и сомнения. Не могли бы вы объяснить это?

Я ответил на это так:

— Правильное толкование учения Конфуция и Мэн-цзы раскрывается в книгах «Лунь юй» и «Мэн-цзы», оно ясно, как красный и зеленый цвета, оно полностью, ничего не упуская, охватывает истину в Поднебесной, включает в себе все то, что содержится во всех писаниях ученых ста школ. Если отклониться от него, то отойдешь от главного пути и вступишь на боковую дорогу. Если вы хотите узнать мою точку зрения, то для этого вам будет достаточно вдумчиво прочесть эти две книги. Сейчас для вас я раскрываю все свои знания, и хотя я говорю с вами абсолютно откровенно, сказанное мной не выходит за рамки этих двух книг. Когда вы проштудируете эти книги и освоите их, то даже если вы какое-то время будете жить вдалеке от меня, в другом месте, но если мы соберемся вместе в одном зале, нам будут понятны мысли друг друга, словно мы обсуждали эти темы все это время, и между нашими взглядами не будет никаких различий, как их нет между двумя половинками одной

¹⁰ Перевод выполнен по: Кинсэй сисока бунсю 1966.

бирки. Будьте старательны и не ленитесь! Возможно, вам кажется, что я просто так взял эти две хорошо знакомые и доступные конфуцианские книги, и вы не понимаете, что они содержат глубокий смысл!

2. Юноша задал вопрос:

— Поистине [ваши слова] — драгоценное наставление. Издавна я усердно читал «Лунь юй» и «Мэн-цзы», внимательно изучал «Сводные комментарии»¹¹ и «Полное собрание сводных комментариев»¹² и комментарии и толкования других ученых. Эти две книги (т.е. «Лунь юй» и «Мэн-цзы». — *Примеч. пер.*) на самом деле необходимы каждый день, они очень искренние. Однако я про себя думаю: а нет ли кроме их изучения какого-нибудь другого, быстрого способа постичь Дао?

— Нет. В учении нужно стремиться к правильному, в деяниях — к зрелости. Нельзя ценить необычное и стремиться найти короткий путь. Если вода прибывает, то корабль плывет, если цветы отцветают, то поспевают плоды. Случается, что идешь верной дорогой, но не доходишь до нужного места, но не бывало еще такого, чтобы шли по неверному пути и дошли до цели. Из роста появляется цветок и дает плод¹³ — всему свое время. Доверьтесь пониманию, которое придет само собой, а не стремитесь получить его от меня! Те, кто читают «Лунь юй» и «Мэн-цзы», если они только начинающие, то, полностью отказавшись от комментариев, они не смогут постичь этих книг. Если же вы уже усвоили сводные комментарии, то полностью откажитесь от комментариев, вдумчиво читайте только сами эти книги, и когда вы осознанно станете преклоняться перед этими текстами, тогда истинный смысл учения Конфуция и Мэн-цзы сам собой откроется вашим глазам и сердцу, так, словно вы пробудились после глубокого сна. Сомнения, которых вы не избежали сегодня, возникли из-за прочитанных комментариев. Истина в Поднебесной исчерпывающе дана в этих двух книгах. К этому больше нечего добавить. Не сомневайтесь в этом!

3. Попросили объяснить поподробнее.

— Вы знаете о пяти злаках. Когда спорят о том, что же самое вкусное на свете, то сходятся на пяти злаках. Хотя существуют прекрасные угощения из восьми блюд¹⁴ и великолепный вкус сливок¹⁵, но их невозможно сравнить со злаками, которые можно есть всегда и которые никогда не приедаются. Не будь злаков, не было бы жизни. Хотя прекрасные угощения некоторое время и хороши на вкус, но если, любя их, есть их постоянно, это непременно принесет человеку вред. Именно поэтому раньше считали, что тот, кто любит экзотические блюда, обязательно болеет разными болезнями. «Лунь юй» по отношению к Дао занимает такое же положение, как самые лучшие злаки среди всех продуктов. Эта книга распространена меж четырех морей, она является собой образец, передается из поколения в поколение и не имеет изъянов. Печально лишь то, что люди этого не понимают.

4. Вопрос:

— Я думаю, не правда ли благодаря труднодостижимости и возвышенности обсуждаемых [тем] конфуцианские сочинения сунского и минского времени, равно как дзэнские и даосские трактаты, — это высшие проявления слова и сокровенного Дао?

¹¹ 四書集註. — «Сводные комментарии к „Четверокнижию“» Чжу Си. В данном случае речь идет о «Сводных комментариях» Чжу Си к «Лунь юю» и «Мэн-цзы».

¹² 四書大全. Составленное по указу минского императора Юнлэ (1403–1424) «Полное собрание сводных комментариев к „Четверокнижию“» включало в себя комментарии Чжу Си и других сунских конфуцианцев.

¹³ Парафраз из «Лунь юя» (9, 22).

¹⁴ Восемь разновидностей мясных блюд.

¹⁵ Пользовавшийся популярностью среди буддийских монахов напиток, который, как они полагали, обладал лекарственным эффектом.

Мне кажется, что книги вроде «Лунь юя» очень заурядны и в них нет какого-то особого смысла. Что вы по этому поводу думаете?

— То, что сложно и необычно, что сразу трудно постичь, напротив, можно понять. А вот «Лунь юй» понять совсем непросто. Самые известные его высказывания кажутся неопределенными. Ложные теории легко доходят до человеческих сердец, а то, что кажется неопределенным, понять затруднительно. Когда что-то легко доходит до сердца, то люди невольно попадают в эту ловушку. Если вы не благородны и не гармоничны, не невозмутимы и не правдивы, то вы ни за что не сможете понять чудесную сущность «Лунь юя». Не поймет ее и тот, чьи природные данные однобоки, кто испытывает пристрастие ко всему необычному и тяготеет к возвышенному. Ныне же вы, отложив в сторону «Лунь юй» и «Мэн-цзы», стремитесь сразу достичь высшего Дао. Вы постепенно скатываетесь к ереси, от которой потом уже будет не спастись. Ни в коем случае не следует идти по стопам ученых мужей недавнего прошлого! В старину при династии Хань учреждали должность профессора — специалиста пяти классических канонных, а не профессора по «Лунь юю». Действительно, в такой книге, как «Лунь юй», высказывания просты, но смысл их глубок и значителен, поэтому даже китайцы не понимали, что в ней говорится об истине и Дао, что она обширна и огромна по охвату, что она высоко вздымается над шестью классическими книгами. Чэн И говорил: «Если вы изучите „Лунь юй“ и „Мэн-цзы“, то „Шестикнижие“ станет понятным и без изучения». Это знаменитые слова, справедливые и в древности, и сейчас. Итак, если слова искренни, смысл ясен, его легко понять и запомнить, значит, это истина. Если же слова сложные, смысл туманен, это трудно понять и запомнить — значит, это точно ложная теория. Если вы, обдумав мои слова, будете стремиться к истине, то в главной книге в Поднебесной вы ничего не упустите.

5. Вопрос:

— До сих пор все считали, что «Лунь юй» прост для восприятия и смысл его доступен, люди не знали, что глубину и масштабность [этой книги] трудно постичь. Не могли бы вы еще раз поподробнее разъяснить это?

— «Лунь юй» с помощью придерживающегося середины правдивого¹⁶ сознания совершенного мудреца говорит о срединном и правильном Дао. Поэтому только придерживающиеся середины правдивые люди могут его понять. Вы же думаете, что труднопостижимое и трудноосуществимое, возвышенное и недостижимое непременно есть высшее Дао, и не осознаете, что именно легко понятное и легко осуществимое, искреннее и простое и есть наивысшая и неизменная во многих поколениях в Поднебесной истина. Ибо все теории о труднопостижимом и трудноосуществимом, возвышенном и недоступном, по существу, ложные, еретические теории. А то, что легко для понимания и осуществления, то, что искренно и просто, есть Дао Яо и Шуня, есть основа, на которой зиждется обучение у Конфуция, есть суть книги «Лунь юй». В древности Конфуций окинул взором прошлое и настоящее, перечислил всех совершенных мудрецов, в особенности «следовал заветам Яо и Шуня, уважал законы Вэнь-вана и У-вана»¹⁷, отверг теории о труднопостижимом и трудноосуществимом, о безграничном, обширном, непознаваемом и неизмеримом, установил легкое для понимания и осуществления, неизменное в тысячах поколений Дао и благодаря этому выработал эталоны поведения для народа, передал их своим ученикам и возвестил их следующим поколениям. Поэтому «Лунь юй» — первая по значимости и исключительности книга во вселенной, и поэтому другого такого совершенного мудреца, как

¹⁶ 大中至正.

¹⁷ Цитата из «Чжун юна» (чжан 30).

Конфуций, не было с тех пор, как существуют люди, он далеко превосходил Яо и Шуя¹⁸. Книга «Мэн-цзы» следует за «Лунь юем» и разъясняет смысл речений Конфуция. Мэн-цзы говорит: «Путь Яо и Шуя — это и есть путь сыновней почтительности и любви к старшим братьям»¹⁹. Он отклонил теории о труднодостижимом и трудноосуществимом, о возвышенном и недостижимом, назвав их «превратными суждениями» и «бесчеловечными деяниями»²⁰, решительно их отверг и провозгласил идею об исключительной важности гуманности и справедливости. «Мэн-цзы» не что иное, как толкование к «Лунь юю». Поэтому после того, как ученые действительно поймут это, они должны будут читать две книги — «Лунь юй» и «Мэн-цзы». В противном случае они будут недооценивать эти книги, хотя и будут комментировать каждый иероглиф, каждый параграф, толкуя их во всех мельчайших деталях, тонких, как шелковые нити, и часто — как плотный бычий волос. Разве смогут они тогда ценить и верить этим книгам? Все ученые прежних поколений считали «Лунь юй» просто ответами Конфуция на вопросы учеников и не понимали, что эта книга стоит выше «Шестикнижия». Именно по этой причине Дао в Поднебесной не понимается и не осуществляется²¹. Ученые должны уяснить это для себя!

6. Вопрос:

— «Лунь юй» прост и легок для понимания, а «Шестикнижие» глубоко и трудно для чтения. А сейчас вы говорите, что истина «Лунь юя» высока и превосходит [истины] «Шестикнижия». Это непонятно. Что вы на это скажете?

— Чэн И говорил: «Если вы изучите „Лунь юй“ и „Мэн-цзы“, то „Шестикнижие“ станет понятным и без изучения». Дао «Шестикнижия» правдиво и понятно, оно содержит Дао норм человеческих отношений для многих тысяч поколений. После того как «Лунь юй» и «Мэн-цзы» освоены, есть смысл изучать «Шестикнижие». В противном случае «Шестикнижие» будет похоже на пустой сосуд, которым никто сегодня не пользуется. Или на ритуальные сосуды эпохи Трех династий, которые можно было поставить на столик, но нельзя было использовать каждый день. Поэтому, когда ученые следующих эпох комментировали «И цзин» и «Чунь цю», их разъяснения были заумными и устаревшими, они не соответствовали повседневному человеческим отношениям. То же самое касается и комментариев к «Шу цзину» и «Ши цзину». Только комментарий Чэн И к «И цзину» намного превосходит все остальные комментарии. То, что со времен Трех династий его комментарии получили славу прекрасной книги, связано с тем, что он исходит из «Лунь юя» и «Мэн-цзы». Таковы объяснения того, почему «Лунь юй» стоит много выше «Шестикнижия».

7. Вопрос:

— Учитель, вы сказали, что «Мэн-цзы» — это комментарий к «Лунь юю». В таком случае, если ученики будут читать только «Лунь юй» и не будут читать «Мэн-цзы», то и вреда, наверно, от этого не будет?

— Отнюдь. Комментарий призван помогать понять канонический текст. Если ученые не прочтут внимательно «Мэн-цзы», они ни за что не смогут постичь подлинный смысл «Лунь юя». Ведь «Мэн-цзы» своего рода лодка для переправы. «Лунь юй» говорит только о том, как совершенствовать гуманность, долг, ритуал и мудрость, но не разъясняет их смысла. Во времена Мэн-цзы совершенномудрые уже принадлежали древности, Дао находилось в застое, подлинный смысл был извращен. Поэтому Мэн-цзы усердно разъяснял и разбирал для ученых смысл книги, толковал ее положения,

¹⁸ В одной фразе здесь цитируются фрагменты из разных параграфов «Мэн-цзы», 2,1, 25 и 26.

¹⁹ «Мэн-цзы», 6, ч. 2, 2, 4.

²⁰ «Мэн-цзы», 3, ч. 2, 9, 7.

²¹ Парафраз из «Чжун юна» (4).

делал это тщательно и подробно, ничего не упуская и не оставляя недосказанным. Поэтому только после прочтения семи глав книги «Мэн-цзы» можно впервые ясно уразуметь основные положения «Лунь юя». Мэн-цзы говорит: «Чувство сострадания есть начало гуманности. Чувство стыда и отвращения ко злу есть начало справедливости, чувство самоотречения и уступчивости есть начало житейских правил. Способность одобрения и порицания есть начало мудрости»²². И еще: «У всех людей есть что-либо, чего они не выносят; пусть они перенесут это чувство на то, что они выносят, и получится гуманность. У всех людей есть что-нибудь, чего они не делают; пусть они перенесут это на то, что они делают, и получится сознание долга справедливости»²³. Таково объяснение четырех понятий — гуманности, справедливости, норм благопристойности и мудрости. Только когда ученые, опираясь на эти определения, внимательно прочтут «Мэн-цзы», они смогут судить о «Лунь юе». И смысл книги тогда впервые станет прозрачным для них. Если же, отказавшись от «Мэн-цзы», пытаться толковать «Лунь юя» буквально, вы не только не поймете его смысла, но и обязательно вступите на неверный путь. Именно этим объясняется, что прежние комментарии и толкования не соответствовали значению понятий гуманность, долг, ритуал и мудрость. Поэтому книга «Мэн-цзы» не только полезна при чтении «Лунь юя», но и пригодится ученым многих тысяч поколений. Бесспорно, что «Мэн-цзы» нужно поставить в один ряд с «Лунь юем».

Литература

- Кинсэй сисока бунсю 1966 — Кинсэй сисока бунсю. Нихон котэн бунгаку тайкэй 近世思想家文集. 日本古典文学大系 (Сборник текстов мыслителей Нового времени. Серия «Классическая японская литература», т. 97). Токио: Иванами сэтэн.
- Классическое конфуцианство 2000 — Классическое конфуцианство. В двух томах. Лунь-юй. Мэн-цзы. Сюнь-цзы / Пер., ст., коммент. А.С. Мартынова и И.Т. Зограф. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс.
- Кобзев 2002 — Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература.
- Конфуцианское «Четверокнижие» 2004 — Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Восточная литература.
- Маньёсю 1971 — Маньёсю. Собрание мириад листьев / Пер. с яп., вступит. ст. и коммент. А.Е. Глускиной. Т. 1. М.: Наука.
- Boot 1982 — *Boot, Willem Jan*. The Adoption and Adaptation of Neo-Confucianism in Japan: The Role of Fujiwara Seika and Hayashi Razan. Leiden: Leiden University.
- Gardner 1989 — *Gardner, Daniel*. Transmitting the Way: Chu Hsi and His Program of Learning // Harvard Journal of Asiatic Studies, 49, No. 1, 141–172.
- Minamoto 1979 — *Minamoto Ryoen*. “Jitsugaku” and Empirical Rationalism // Principle and Practicality. Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning. Ed. by W.T. de Bary and I. Bloom. N. Y.: Columbia University Press.
- Spae 1948 — *Spae, Joseph*. Ito Jinsai: A Philosopher, Educator and Sinologist of the Tokugawa Period. Peking: Catholic University Press.

References

- Kinsei shisoka bunshu 1966 — *Kinsei shisoka bunshu*. *Nihon koten bungaku taikei* 近世思想家文集. 日本古典文学大系 [Writings of the Thinkers of Early Modern Japan. Series “Classical Japanese Literature”, vol. 97]. Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

²² «Мэн-цзы», 2, ч. 1, 6,5.

²³ «Мэн-цзы», 7, ч. 2, 31,1.

- Klassicheskoe konfutsianstvo 2000 — *Klassicheskoe konfutsianstvo. V dvukh tomakh. Lun'-iuj. Mën-tszy. Siun'-tszy* [Classical Confucianism. In two volumes. Lunyu. Mengzi. Xunzi]. Per., st., koment. A.S. Martynova i I.T. Zograf [Transl., art., comment. by A.S. Martynov and I.T. Zograf]. St. Petersburg: Neva; Moscow: Olma-Press (in Russian).
- Kobzev 2002 — Kobzev A.I. *Filosofia kitaiskogo neokonfutsianstva* [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Konfutsianskoe "Chetveroknizhie" 2004 — *Konfutsianskoe "Chetveroknizhie" ("Sy Shu")* [Confucian Four Books]. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Man'yosiu 1971 — *Man'yosiu. Sobranie miriad list'ev* [Man'yoshu. Collection of Ten Thousand Leaves]. Per. s iaponskogo, vstupit. st. i komment. A.E. Gluskinoy, t. 1 [Transl., introd. and comment. by A.E. Gluskina, vol. 1]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Boot 1982 — Boot, Willem Jan. *The Adoption and Adaptation of Neo-Confucianism in Japan: The Role of Fujiwara Seika and Hayashi Razan*. Leiden: Leiden University (in English).
- Gardner 1989 — Gardner, Daniel. "Transmitting the Way: Chu Hsi and His Program of Learning". *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 49, No. 1, 141–172 (in English).
- Minamoto 1979 — Minamoto Ryoen. "'Jitsugaku' and Empirical Rationalism". In: *Principle and Practicality. Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning*. Ed. by W.T. de Bary and I. Bloom. N. Y.: Columbia University Press (in English).
- Spae 1948 — Spae, Joseph. *Ito Jinsai: A Philosopher, Educator and Sinologist of the Tokugawa Period*. Peking: Catholic University Press (in English).

Summary

K.G. Marandjian

The Japanese Confucian Thinker Ito Jinsai and His Questions from Children (*Dojimon*)

The article is focused on the writing of the Japanese Confucian thinker Ito Jinsai *Questions from Children*, which, in a concise form, states his interpretation of the Confucian learning. The special emphasis is laid upon the problem of "classical books" the choice of which marked the reader's affiliation with various trends in Confucianism. The article is supplied with a translation of fragment (seven questions) from *Questions from Children* on the subject.

Key words: Japanese Confucianism, Ito Jinsai, *Questions from Children*, *Dojimon*, classical books.